УДК 331.556.4

ЮДАЕВА С.В.

Развитие трудовой миграции: современные мировые и российские тенденции

В статье рассмотрена одна из ведущих тенденций развития международной миграции. Сегодня рост трудовой миграции определяет экономическое, социальное, демографическое развитие большинства стран мировой экономики. Анализируются противоречия в развитии трудовой иммиграции в РФ.

Ключевые слова: международная миграция, трудовая миграция, рынок труда, трудовые ресурсы, нелегальная иммиграция, страны–доноры трудовых ресурсов.

Современная международная миграция характеризуется определенными тенденциями, имеющими закономерный характер. Россия, являясь частью глобальной экономики, активно вовлечена в международные миграционные связи. Развитие внешней миграции подвержено влиянию как общемировых, так и локальных тенденций. Так, к первым относят[1]:

– глобализацию миграционных потоков;

– профессиональные и гендерные изменения в структуре миграционных потоков;

– определяющее развитие международной миграции рабочей силы;

– рост нелегальной миграции;

– увеличение демографической значимости международной миграции населения.

Ко вторым можно отнести:

– исчерпание этнического потенциала иммиграции в Россию;

– постепенное вовлечение региональных и местных властей в разработку миграционной политики.

В рамках данной статьи рассмотрим одну из наиболее устойчивых тенденций международной миграции – развитие экономической, трудовой миграции.

Растущий разрыв в реальных подушевых доходах между богатыми и бедными странами мира, а также соответствующая политика принимающих стран, большинство из которых принимают иностранцев с единственной целью – вовлечь их в экономическую деятельность, обусловили то обстоятельство, что движение работоспособного населения стало главным направлением международных миграционных потоков в послевоенный период. По оценкам МОТ, в 2005 г. только легальных трудовых мигрантов в мире насчитывалось более 192 млн., на долю которых приходилось в среднем около 12% экономически активного населения развитых стран (от 1% в Японии до 23% в Австралии). Трудовая миграция, как и глобальное перемещение человеческого капитала, который она представляет, превратилась в решающий фактор развития глобальной экономики и является одновременно и результатом, и источником растущей взаимозависимости.

География экономической миграции менялась весь XX век. И хотя по-прежнему наиболее привлекательными для трудовых мигрантов являются развитые страны (США, Канада, Франция, Германия, Великобритания, Швеция, Австралия), в развивающемся мире также формируются масштабные центры привлечения трудовых ресурсов – на Ближнем Востоке (Кувейт, Саудовская Аравия, ОАЭ), в Юго-Восточной Азии (Гонконг, Китай, Малайзия, Республика Корея, Сингапур, Тайвань), в ЮАР.

Основными поставщиками иммигрантов и иностранной рабочей силы являют-

ся Индия, Пакистан, Филиппины, Вьетнам в Азии; Египет, Йемен, Ливан, Иордания на Ближнем Востоке; Марокко, Алжир, Тунис, Гана, Мали, Чад, Гвинея, Мозамбик в Африке; Парагвай, Боливия, Колумбия в Южной Америке; Мексика в Северной Америке; Югославия, Португалия, Ирландия, Турция в Европе.

Следует отметить, что в современных условиях деление стран на принимающие и доноры становится все более затруднительным в связи с тем, что многие страны относятся одновременно и к той, и другой категории. Одновременно эмиграционные и иммиграционные процессы характерны для Италии, Испании, Ирландии, Малайзии, Республики Корея и пр. стран. Российская Федерация, граждане которой в 90-е годы XX в. миллионами уезжали за рубеж, в 2000-е годы превратилась в крупнейший мировой центр привлечения рабочей силы.

За два последних десятилетия трудовая миграция существенно усложнилась по своей структуре. Произошла и переоценка ее последствий как для стран, участвующих в миграционных процессах, так и для мировой экономики в целом.

Традиционно считается, что трудовая миграция способствует оптимальному распределению трудовых ресурсов мирового хозяйства между странами и регионами. На практике чрезмерный поток неквалифицированного и дешевого труда неизбежно приводит к замещению капитала трудом и оттоку капитала из национальной экономики, снижению темпов и качества экономического роста и среднего уровня оплаты труда. Также это ведет к увеличению нагрузки на государственный бюджет и, как следствие, к необходимости увеличивать налоги.

Государства, население которых активно участвует в миграционных процессах, стремятся сформировать качественные системы мониторинга соответствующих данных в целях оценки последствий миграции для развития национальной экономики, своевременного выявления неблагоприятных тенденций.

Временная трудовая миграция является основной формой международной иммиграции в Российскую Федерацию. Вклад трудовых иммигрантов в экономику России оценивается в 8–9% ВВП. По данным Банка России, в 2011 г. трудовые мигранты только в страны СНГ перевели 16,7 млрд. долл. по сравнению с 13,5 млрд. долл. в 2010 г.

Массовая трудовая эмиграция, с другой стороны, отсутствует, а доходы от нее не имеют существенного значения для российской экономики. С этой точки зрения наблюдается сходство с развитыми странами мировой экономики.

Характеристика трудовой иммиграции может быть осуществлена по следующим основным направлениям:

1) количество и динамика;

2) география стран–экспортеров рабочей силы;

3) распределение по отраслям и регионам.

Количественная оценка масштабов международной миграции в РФ, в том числе трудовой, представляет сложность для научных исследований, т.к. система учета в стране по-прежнему далека от совершенства. Статистика трудовой миграции сегодня основывается на количестве выданных за год разрешений на работу, которые привязаны к ежегодно утверждаемым правительством квотам на трудовую деятельность. Таким образом, фиксируется только легальная иммиграция. Однако, как и у большинства других принимающих стран, значительная часть трудовой иммиграции происходит в нелегальной форме (конкретно для России в форме незаконного трудоустройства). Так, по оценкам Ивахнюк И.В., около 70–80% трудовых мигрантов не встают на миграционный учет и работают незаконно[2]. С другой стороны, один и тот же человек в течение года мог неоднократно получать разрешение на трудовую деятельность, поэтому, по оценкам экспертов, реальный поток легальных мигрантов завышен на 30–40%.

По данным ФМС, привлечение иностранных работников на законных основаниях в российскую экономику возросло с 129 000 человек в 1994 г. до 1 500 000 в 2006 г. Растущий дефицит национальных

ресурсов в условиях экономического роста 2000-х годов способствовал формированию устойчивого спроса на дешевую рабочую силу из-за рубежа.

С началом в 2007 г. нового, «либерализационного» этапа миграционной политики трудовая иммиграция, в том числе легальная, в российскую экономику еще больше возросла. При более чем 6 млн. квоте было выдано 2 212 198 разрешений на работу.

На последующей динамике трудовой миграции отразился мировой финансово-экономический кризис. В отличие от кризиса 1998 г., который практически не повлиял на численность привлекаемой иностранной рабочей силы, мировой кризис 2008 г. привел к существенному снижению масштабов легальной трудовой иммиграции в Россию. Это отражает прежде всего большую, чем десятилетие назад, зависимость отечественного рынка труда от импорта трудовых ресурсов на современном этапе.

Потребность в привлечении в РФ иностранных работников в 2008 г. определялась Правительством РФ в 1 828 245 человек, в 2009 г. – 3 976 747, в 2010 г. – 1 944 356 человек. При этом в отсутствие адекватных прогнозов по региональным рынкам труда квоты постоянно корректировались.

В рамках установленных квот в 2008 г. ФМС было выдано 1 683 091 разрешение на работу, в 2009 г. – 1 430 785, в 2010 г. – 1 130 864, в 2011 г. – 1 219 796.

В 2012 г., как и в 2011 г., квота составила 1 745 584 человека. На начало 2012 г., по словам главы ФМС К. Ромадановского, около 2,3 млн. человек работает в РФ на законных основаниях, при этом число нелегальных иммигрантов может достигать 4 млн. Следует отметить, что большинство исследователей согласны с такой оценкой совокупной трудовой миграции – 5–6 млн.человек.

Анализ географической структуры трудовой иммиграции в Россию показывает, что в течение более 10 лет, с 1994 по 2005 год, соотношение между численностью официально привлекаемых в Россию трудовых мигрантов из стран СНГ и дальнего зарубежья было практически равным. Активный экономический рост с начала 2000-х гг., а также либерализация миграционного законодательства для трудовых мигрантов из стран СНГ способствовали изменению данного соотношения. В 2007 г. на трудовых иммигрантов из стран СНГ приходилось уже более 2/3, а в 2008 г. – 3/4 от общего числа привлекаемой иностранной рабочей силы.

С учетом нелегальной составляющей республики бывшего СССР на протяжении всего постсоветского периода являлись основными поставщиками трудовых ресурсов для России.

Статистический учет внешней трудовой миграции в нашей стране осуществляется ФМС с 1994 г. Развитие трудовой иммиграции в постсоветский период происходило в рамках нескольких периодов.

В первый период (до середины 90-х гг.) основу миграционных потоков в РФ составляли вынужденные переселенцы. Однако и трудовая миграция росла ускоренными темпами. К середине 90-х гг. число трудящихся-мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья выросло почти в 3 раза по сравнению с началом 90-х гг.

В течение второго периода (до начала 2000-х гг.) оформилась тенденция к увеличению нелегального использования иностранной рабочей силы. По данным официальной статистики, в 2000 г. по сравнению с серединой 90-х численность зарегистрированных иностранных работников в стране уменьшилась на четверть. Однако в тот момент проблемы нелегальной миграции не стояли остро ни перед Российским государством, ни перед российским обществом Этнокультурные и национальные конфликты между мигрантами и местным населением возникали редко, т.к. трудовой поток из стран СНГ по-прежнему состоял из людей, интегрированных в русскую культуру, знающих русский язык. Для правительства вопросы миграции также не являлись первостепенными в условиях финансового кризиса и необходимости преодоления его последствий.

Главной детерминантой трудовых миграционных потоков между постсоветскими государствами является разница в уровнях их социально-экономического развития и материального благополучия населения. За последние два десятилетия

экономические и социальные разрывы постоянно возрастали, что способствовало размежеванию республик во внутреннем миграционном пространстве на страны-доноры и страны-реципиенты трудовых ресурсов. По наиболее часто встречающимся консервативным данным, в процессы внутренней трудовой миграции на пространстве СНГ могут быть вовлечены до 7–8,5 млн. чел.

Странами–донорами трудовых ресурсов на постсоветском пространстве являются Армения, Азербайджан, Грузия, Кыргызстан, Таджикистан, Молдова, Узбекистан, Украина. В процессах миграции участвуют значительные контингенты населения этих стран. Например, в Молдавии, Таджикистане, Азербайджане, Грузии это 20–40% экономически активного населения. При этом подавляющее большинство мигрантов из Центральной Азии и Кавказа ориентировано на Россию.

Качество статистического учета на всем пространстве СНГ не позволяет анализировать объективные эмпирические данные по трудовой миграции. Эксперты со своей стороны достаточно серьезно расходятся в оценках ее масштабов.

Крупнейшим поставщиком трудовых ресурсов является Украина. По разным оценкам, трудовая эмиграция из страны составляет от 2,5 до 7,5 млн. человек. Например, Резникова О.Б. оценивает ее на уровне в 3–4 млн. чел.[3]. Основным центром притяжения рабочей силы из Украины является Россия, на которую ориентированы 40–50% трудовых мигрантов. Со временем, несмотря на относительно стабильную численность трудовых мигрантов из Украины, их доля в страновой структуре иммиграции в Россию снизилась.

С другой стороны, заметно увеличилась доля работников из Узбекистана и Таджикистана. Эти два государства на сегодняшний день занимают лидирующие позиции по поставкам трудовых ресурсов в российскую экономику. Решающим эмиграционным фактором для них помимо экономического является демографический. Например, в Узбекистане за 20 лет численность населения трудоспособного возраста выросла на 7,4 млн. человек. По наиболее часто встречающимся оценкам, в России работает более 600 тысяч узбекских мигрантов. Хотя ряд исследователей считают, что данная цифра завышена. По данным Л. Максаковой, количество мигрантов не превышает 400–450 тыс. человек[4].

Таджикистан также характеризуется высокими темпами прироста трудоспособного населения. По разным оценкам, от 750 тыс. до 2 млн. его граждан работает за рубежом, из них 80–85% в России. Страна является мировым лидером по значимости денежных переводов трудовых мигрантов для экономики – 35%.

Активно поставляют рабочую силу на российский рынок труда Азербайджан и Киргизия. По данным МВД РФ, легальная иммиграция из Азербайджана в 2006 г. составляла 28 319 человек, увеличившись к 2009 году до 60 664. С другой стороны, МВД Республики Азербайджан считает, что общее количество трудовых мигрантов, работающих в России, составляет около 450 тысяч[5]. Можно предположить, что статистическая разница во многом объясняется наличием отлаженных миграционных сетей, созданных азербайджанскими диаспорами еще в советский период. С их помощью значительная часть мигрантов трудоустраивается в обход российского миграционного законодательства.

Киргизия имеет менее длительную практику масштабного экспорта трудовых ресурсов в Российскую Федерацию. Однако сегодня страна вполне сопоставима с Азербайджаном по объемам совокупной трудовой миграции. По официальным данным властей Киргизии, численность трудовых мигрантов в России в зависимости от сезонного фактора колеблется в пределах 350–500 тысяч человек[6]. На законных основаниях при этом работает чуть более 100 тысяч трудовых мигрантов.

Грузия и Молдавия, хотя и заметно переориентировали свои трудовые потоки на западноевропейские страны, по-прежнему являются крупными экспортерами рабочей силы в Российскую Федерацию. Трудовая миграция из Грузии обусловлена главным образом экономическими причинами. На фоне значительной безработицы (16,3% в 2010 г.) и невысокого уров-

ня социально-экономического развития (ВВП на душу населения по ППС составляет около 4,5 тыс. долл. в год) трудовая миграция из страны приняла массовый характер. В 2010 г. переводы от трудовых мигрантов равнялись 12,9% ВВП и были больше прямых инвестиций в экономику в 1,8 раза. Общее количество трудовых мигрантов из Грузии оценивается в 800 тыс. человек[7], что представляется серьезной потерей трудового потенциала для страны с населением около 4,5 млн. человек. В различные периоды доля России в структуре экспорта составляла 40–50%. Однако в последние годы наметилась тенденция к ее снижению.

Во многом схожая ситуация наблюдается и в Молдове. По данным Министерства труда, социальной защиты и семьи Республики Молдова, из общей численности трудовых мигрантов, которая оценивается в 600 тысяч, в России работает 240 тысяч.

Оценивая перспективы иммиграции в РФ из стран СНГ, профессор Л.Л. Рыбаковский отмечает, что формальные границы миграционного потенциала возрастут в Казахстане, Кыргызстане, Азербайджане и особенно в Узбекистане, Таджикистане и Туркмении[8]. Это страны с активно растущим населением и миграционной направленностью в сторону России.

В странах дальнего зарубежья, в основном приграничных, также есть некоторые миграционные ресурсы. К их числу относятся, прежде всего, Китай и Северная Корея. С ними Россия уже более 150 лет взаимодействует в дальневосточных регионах.

Региональные приоритеты трудовой иммиграции прежде всего отражают неравномерность развития российской экономики: Центральный федеральный округ в 2007 г. привлек 44% иностранных работников, при этом Москва и Московская область – 38%, а Санкт-Петербург и Ленинградская область – 5,7%[9]. Кроме этого привлекательными для мигрантов регионами являются Свердловская область, Краснодарский край, Ханты-Мансийский автономный округ, Новосибирская область.

Как и в других принимающих странах, в России сформировался устойчивый и масштабный спрос на иностранную рабочую силу в отдельных отраслях. Отраслевая структура занятости мигрантов имеет и общие черты в сравнении с развитыми странами, и свои особенности, и в целом отражает специфику процессов деиндустриализации российской экономики. Дешевая рабочая сила прежде всего востребована в строительстве, наиболее динамично развивающемся сегменте отечественной экономики. В этом секторе, согласно данным ФМС, во второй половине 2000-х гг. работало более 40% легальных мигрантов[10]. С учетом нелегальной составляющей доля строительства выше как минимум в два раза.

Привлекательными для трудовых мигрантов являются некоторые отрасли сферы услуг. Транспорт, торговля, гостиничный и ресторанный бизнес, муниципальные работы, персональные услуги для домохозяйств в крупных российских городах во многом ориентированы на иностранную рабочую силу и персонал. С одной стороны, трудовые мигранты занимают вакансии, как правило, низкоквалифицированные, которые слабо востребованы у местного населения даже в условиях высокой безработицы. С другой стороны, подобно практике многих принимающих стран, в России за небольшое время сформировался и активно развивается этнический бизнес. Он включает в себя как собственно предприятия, принадлежащие иммигрантам, так и легальную и теневую миграционную инфраструктуру. Можно предположить, что, концентрируясь в определенных сферах, этнический бизнес создает барьеры для вхождения на эту часть рынка труда внутренним мигрантам. Кроме того, этническая монополизация со временем способствует росту заработных плат, а следовательно, повышает совокупные издержки конкретной отрасли и экономики в целом.

В отличие от развитых стран, которые влияют на структуру трудовой иммиграции через стимулирование высокотехнологичного и интеллектуального труда, российская экономика демонстрирует низкие темпы создания высококвалифицированных рабочих мест, что в принципе отражает низкую инвестиционную и инновационную активность отечественного бизнеса. Сегод-

ня высококвалифицированные специалисты составляют всего 1–2% от всех иностранцев, получающих разрешение на работу в России. Это преподаватели с различными учеными степенями, топ-менеджеры иностранных компаний, богатые иностранцы, готовые инвестировать свои средства в развитие российской экономики. В данном случае можно говорить лишь о точечном, индивидуальном привлечении конкретных специалистов российскими государственными или крупными частными компаниями.[11]

Вопросы необходимости масштабной трудовой иммиграции в Российскую Федерацию со временем становятся все более актуальными. С одной стороны, спрос на иностранные трудовые ресурсы обусловлен глубоким демографическим кризисом, с другой – желанием российского бизнеса минимизировать свои издержки за счет заработных плат и социальных выплат. Позиция государства при этом по-прежнему остается неопределенной, можно сказать, конъюнктурной. А вот в российском обществе негативное отношение к трудовым мигрантам только нарастает, все более заметным становится разделение на «своих» и «чужих». Во многом это следствие непоследовательной миграционной политики, отсутствия в ней интеграционной составляющей, деструктивного влияния средств массовой информации. Трудовая иммиграция между тем может стать важным ресурсом развития экономики России в случае повышения качества государственного менеджмента.

[1] Более подробно см.: Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999; Алешковский И.А. Тенденции международной миграции населения в современной России в условиях глобализации // Век глобализации. 2011. № 1. С. 159.

[2] Ивахнюк И.В. Два десятилетия участия России в международной миграции населения // Международная миграция населения на постсоветском пространстве: двадцать лет удач, ошибок и надежд. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». 2011. № 25. С. 25 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.unicef.ru/upload/iblock/eb6/eb685a520e220536340f15c222a8dd22.pdf

[3] Резникова О.Б. Перспективы миграции на постсоветском пространстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ca-c.org/c-g/2008/journal.rus/c-g-4/07.shtml

[4] Максакова Л. Узбекистан в системе международных миграций. Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С. Витковской. М.: ИТ «АдамантЪ», 2009. С. 323–349.

[5] Рагимова Земфира Рагим гызы, Мамедова Магира Бахман гызы. Миграционная ситуация в Азербайджане // Международная миграция населения на постсоветском пространстве: двадцать лет удач, ошибок и надежд. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». № 25. М.: МГУ, 2011. С. 99. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.unicef.ru/upload/iblock/eb6/eb685a520e220536340f15c222a8dd22.pdf

[6] 80% трудовых мигрантов из Киргизии – выходцы с юга. 03.05.2011/ИА РЕГНУМ [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.migrocenter.org/main/1304409484/

[7] Арчвадзе И. Современное демографическое положение Грузии – заложник политико-экономического состояния [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kavkazoved.info/news/2011/07/08/sovremennoe-demograficheskoe-polozhenie-gruzii-archvadze.html

[8] Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал: критерии оценки и современные методы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/09/02/1267440637/Rybakovsky.pdf

[9] Мониторинг легальной (законной) внешней трудовой миграции за 2006–2007 годы. М.: ФМС России, 2008.

[10] Там же.

[11] Юдаева С.В. Современная иммиграционная политика России: вопросы разработки и реализации на федеральном и региональном уровнях //Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2011. № 7(120) ноябрь. С. 102–105.

УДК 061.2(470.319)"18":94(47).083

ГУЛАРЯН А.Б.

Принципы и подходы к классификации самодеятельных общественных организаций на территории Орловской губернии

Статья посвящена актуальной проблеме классификации общественных организаций. Рассмотрев и обобщив работы предшественников, автор предлагает собственную систему классификации общественных организаций дореволюционной России.

Ключевые слова: самодеятельная общественная организация, классификация, историзм, социологический подход.

28 февраля 1778 года Екатерина II подписала указ о создании Орловской губернии, состоящей из тринадцати уездов: Орловского, Брянского, Болховского, Дешкинского, Елецкого, Карачевского, Кромского, Ливенского, Луганского, Малоархангельского, Мценского, Севского, Трубчевского. С этого момента появляется объект изучения – отдельно взятый регион Российской империи со своей внутренней общественно-политической жизнью. Одновременно уже внутри губернии стали возникать самодеятельные общественные организации, классификации и систематизации которых посвящена предлагаемая работа.

В данном случае под общественной организацией понимается добровольное объединение граждан, построенное на основе самоуправления, организационной самодеятельности, ставящее перед собой цели и задачи некоммерческого характера, соответствующие законным интересам и правам объединившихся в организацию лиц, и осуществляющее деятельность, направленную на реализацию этих целей и одновременно на решение задач, стоящих перед всем обществом[1]. К самодеятельным общественным организациям царской России можно отнести разнообразные «частные» (негосударственные) общества и союзы, а также организации, носящие общественно-государственный характер. Надо отметить, что при самодержавном строе общественные организации были или общественно-государственными, или в случае «частного» характера ставились под жесткий бюрократический контроль.

К общественным организациям невозможно отнести коммерческие организации: кооперативы, общества потребителей, ссудо-сберегательные кассы и товарищества, ибо они преследовали цель извлечения прибыли для своих участников. По этой же причине в рассматриваемую систему общественных организаций не вошли похоронные кассы. Однако при более тщательном изучении этого вопроса было сделано одно исключение: в систему общественных организаций были включены ссудо-сберегательные и вспомогательные кассы, которые создавались на промышленных предприятиях и выполняли функции примитивных профсоюзов.

При классификации и систематизации общественных организаций выявился целый ряд проблем, которые необходимо было решить. Главная проблема состоит в следующем: в Российской империи отсутствовал четкий, ясный и прозрачный порядок утверждения самодеятельных общественных организаций. Никакой системы в правительственной политике по отношению к «частным» обществам не было. Первоначально разрешение или запрещение

на открытие общества определялись субъективной волей императора и его министров, а после Первой российской революции государство отдало этот вопрос «на откуп» учредителям, фактически заявив явочный порядок регистрации «частных» обществ. В действиях учредителей «частных» обществ также не прослеживается никакой системы. Зачастую они следовали за интуитивно понятым «общественным интересом». Соответственно возникшая система самодеятельных общественных организаций развивалась стихийно, стохастично и если и обрела черты стройности, системности, то только на завершающем этапе своего развития, перед тем, как быть разрушенной в 1917 году.

Из этой основной проблемы вытекают еще две важные проблемы – проблема состояния источников и проблема собственно классификации.

Несмотря на бюрократизированность порядка утверждения и отчетности общественных организаций перед государственными органами, в нашем распоряжении недостаточно документов об их деятельности. В силу низкой исполнительной дисциплины как учредителей обществ, так и местных чиновников, документы не предоставлялись вовремя, терялись, отправлялись по инстанциям без снятия копии в архив. Сами общественные организации не обладали возможностью наладить правильное делопроизводство и хранение своих документов. Многие фонды были утрачены во время революций и войн. На низкий уровень сохранности материалов общественных материалов указывал еще профессор А.Д. Степанский.[2]

Поэтому сведения о многих общественных организациях фрагментарны и отрывочны. Положение спасают «Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии», выходившие с 1860 по 1917 г. и предоставлявшие сведения о существовавших государственных структурах и «частных» обществах. Но данные этого справочника тоже оказались неполными как в силу отсутствия томов за некоторые годы, так и в силу указанной выше низкой исполнительной дисциплины общественных организаций, не предоставлявших вовремя сведений о своей деятельности в губернский статистический комитет. Только перекрестное использование архивных документов и справочника позволило более полно и объемно охарактеризовать самодеятельные общественные организации на территории Орловской губернии.

Наконец, в силу указанных причин у историков до сих пор нет четкой и общепризнанной системы классификации дореволюционных общественных организаций. Каждый ученый, занимающийся данной проблемой, предлагал свою классификацию, исходя из собственных критериев, отражающих специфику изучаемого региона. Но поскольку четкой и прозрачной политики законодателя в этом вопросе не было, а каждый регион отличался своими условиями, универсальной классификации пока создать не удалось.

Систему общественных организаций Российской империи пытались классифицировать отечественные историки А.Д. Степанский, В.Р. Лейкина-Свирская, Д.И. Раскин, В.Я. Гросул, А.С. Туманова[3].

Наиболее подробную и проработанную классификацию дореволюционных общественных организаций составил профессор А.Д. Степанский. В своих работах он проследил возникновение и развитие системы общественных организаций Российской империи, попытался обобщить опыт существования большого количества «частных обществ» и классифицировал их. Поэтому труды А.Д. Степанского не потеряли своего значения до сих пор.

В законченном виде классификация А.Д. Степанского выглядит следующим образом:

1. политические общественные организации;

2. экономические общественные организации;

3. организации в области призрения, здравоохранения и народного просвещения;

4. организации в области науки, литературы и искусства.[4]

Эти большие группы в свою очередь делились на группы и подгруппы, динамично менявшиеся с течением времени.

Например, политические организации и общества прошли путь от декабристских

и разночинских тайных организаций через первые марксистские кружки и мелкобуржуазные организации к политическим партиям начала XX века – по классификации В.И. Ленина: 1) черносотенцы; 2) октябристы; 3) кадеты; 4) трудовики; 5) социал-демократы[5]. При этом автор отмечает, что в условиях монополии государства на власть и политическую деятельность (фактически до 1905 года) политические организации приобретали революционный характер и существовали подпольно или полуподпольно.

Экономические организации были разделены им на организации буржуазии и помещиков и организации трудящихся. Экономические организации защищали прежде всего интересы господствующих классов, а общества защиты прав трудящихся сформировались гораздо позднее. К первым А.Д. Степанский относил сельскохозяйственные общества и торгово-промышленные организации – «общества содействия» (Вольное экономическое общество, Московское общество сельского хозяйства, Общество содействия русской промышленности и торговле, Общество судоходства, Санкт-Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности) и «представительские организации» (Съезды горнопромышленников Юга России, Съезды горнопромышленников Урала и т.д.)[6]. К организациям трудящихся были причислены профсоюзы («кассы борьбы», «кассы взаимопомощи» и полноценные профсоюзы), организации интеллигенции и служащих (общества взаимопомощи учителей, фельдшеров, приказчиков и др.), кооперативные организации (потребительские, производственные, кредитные, сбытоснабженческие)[7].

Третья группа общественных организаций естественно разделилась на благотворительные общества, из которых Степанский особо выделил Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (1859), более известное в советскую эпоху как Литературный фонд[8]; медицинские и здравоохранительные организации (Общества русских врачей в Москве, в Петербурге, Русское общество охранения народного здравия, Пироговское общество и т.д.) [9]; просветительные организации (Московский и Петербургский комитеты грамотности, Постоянная комиссия по техническому образованию, Общество распространения технических знаний, Петербургское Фребелевское общество и др.)[10]. Все три подгруппы Степанский относит к обществам, занимающимся социальной проблематикой. Кроме того, одна и та же общественная организация может входить в разные подгруппы. Например, Общество попечения о раненых и больных воинах (Российское общество Красного Креста) проходит у Степанского и как благотворительное, и как медицинское общество[11], что, впрочем, свидетельствует не о недостатках предложенной Степанским классификации, а об универсальном характере некоторых общественных организаций.

Организации в области науки, литературы и искусства делились соответственно на научные общества и литературно-художественные организации (творческие объединения литераторов, художников, музыкантов). Все научные общества А.Д. Степанский разделил на пять групп: 1) гуманитарные; 2) географические и краеведческие; 3) естественнонаучные; 4) научно-технические; 5) научно-медицинские[12].

В то же время классификация А.Д. Степанского вызывает ряд замечаний прежде всего из-за включения в систему «экономических» организаций. Сам Степанский, давая во введении своей работы определение общественным организациям, подчеркивал их непроизводственный и некоммерческий характер. Термин же «экономический» используется для обозначения как раз производственных и коммерческих учреждений (например, в Циркуляре о порядке регистрации обществ и союзов от 4 марта 1906 г. П.А. Столыпина), что создает известную путаницу в понятиях. Под термином «экономических общественных организаций» А.Д. Степанский объединил весьма разнородные по характеру деятельности общества: и организации, содействующие развитию различных сфер экономики, и группы, занимающиеся лоббированием интересов, и учреждения, извлекающие прибыль для

своих участников. Такие организации – прежде всего кооперативы – не должны рассматриваться в системе общественных организаций.

В другой своей работе А.Д. Степанский, рассматривая легальные общественные организации, выделил:

1. экономические организации буржуазии и помещиков (сельскохозяйственные общества и торгово-промышленные организации)[13];

2. организации взаимопомощи (общества и кассы взаимопомощи интеллигенции, служащих и ремесленников)[14];

3. просветительные организации[15];

4. здравоохранительные организации[16];

5. благотворительные организации[17];

6. научные общества[18];

7. литературно-художественные организации[19].

Приведенная градация ничем не противоречит изложенной выше классификации. Степанский просто разделил свои большие группы и рассмотрел выделенные общественные организации более подробно.

Несколько иной подход к классификации дореволюционных общественных организаций предложила профессор В.Р. Лейкина-Свирская. Поскольку она занималась общественными организациями опосредованно (главным предметом её исследования являлся социальный и профессиональный состав русской интеллигенции), то и типология созданных интеллигенцией общественных организаций носит односторонний, линейный характер. Главным критерием типологизации явился состав учредителей и участников. Однако проведенная Лейкиной-Свирской работа по типологизации социальных групп интеллигенции и их общественных организаций интересна для создания объемного представления о состоянии российского общества на рубеже XIX–XX веков.

Исследователем были выделены:

1. общественные организации технической интеллигенции (Политехническое общество при Московском высшем техническом училище, Общество горных инженеров, Русское техническое общество и др.)[20];

2. общественные организации лесоводов, представленные Союзом лесоводов и лесных техников[21];

3. общественные организации землемеров, представленные Союзом межевых служащих[22];

4. общественные организации «деятелей экономической помощи населению» (агрономов, ветеринаров, статистиков);

5. общественные организации медицинских работников (Всероссийское общество русских врачей в память Н.И. Пирогова, Всероссийский союз медицинского персонала, Российское фармацевтическое общество, Общество российских фельдшеров и др.)[23];

6. просветительные общественные организации и общества учителей (Петербургское педагогическое общество взаимопомощи, Союз учителей, Московское педагогическое общество, народные дома и народные университеты и др.)[24];

7. общественные организации адвокатов (Юридические общества при Московском и Санкт-Петербургском университетах, Московский кружок молодых адвокатов, Всероссийский союз адвокатов)[25];

8. общественные организации работников науки (Московское общество испытателей природы, Петербургское юридическое общество, Казанское физико-математическое общество, Московское психологическое общество, Русское географическое общество, Русское историческое общество, Петербургское химическое общество и др.)[26];

9. общественные организации литераторов и издателей (Русское общество книгопродавцев и издателей, Московский литературно-художественный кружок, кружок «Среда», Союз русских писателей и др.) [27];

10. общественные организации художников (Петербургское общество поощрения художников, Московское художественное общество, Московское общество любителей художеств, Товарищество передвижных художественных выставок, Товарищество художников «Мир искусства» и др.)[28];

11. общественные организации актёров и музыкантов (Филармоническое общество в Москве, Общество для пособия